

УДК 314. 622.44

ЕЛЕНА СТРЕЛЬНИК,

кандидат социологических наук, доцент кафедры социальной работы Полтавского института экономики и права Открытого международного университета развития человека “Украина”

Социальная стигматизация мономатеринских семей

Аннотация

Целью статьи является анализ дискурсивного характера социальной стигматизации мономатеринских семей. Под мономатеринской семьей автор понимает семью с детьми во главе с матерью безотносительно к причинам происхождения такой семьи.

Категория “одинокая мать” исторически имела негативные коннотации, связанные с идеологией гендера, женской сексуальности и нормативным требованием касательно связи и последовательности брака, сексуальности и прокреации. В контексте современных процессов плюрализации моделей брака, семьи и отцовства социальное восприятие явления одинокого материнства изменилось в сторону большей терпимости. Однако в целом размежевание между “нормальными” нуклеарными семьями и “неполноценными” семьями сохранилось. Таким образом, семьи одиноких матерей нередко рассматривают как угрозу общественной стабильности, основываясь на том, что дети в такой семье воспитываются в “неполноценной” семейной среде. Логика подобных обвинений приводит к индивидуализации социальных проблем и перекладыванию на женщину ответственности за те проблемы жизнедеятельности семьи, которые в действительности имеют социальное происхождение. Еще одним пространственным дискурсом является тотализирующее описание одиноких матерей в категориях зависимости от государственной и социальной поддержки.

Ключевые слова: мономатеринская семья, одинокая мать, неблагополучная семья, неполная семья

Мономатеринская семья = неблагополучная семья? Постановка проблемы

В государственном, академическом и медийном дискурсах “неблагополучную семью” рассматривают как причину формирования едва ли не всех форм социальных отклонений в поведении детей и подростков.

Существуют два основных подхода к классификации “неблагополучных семей”, которые условно можно назвать функциональным и структурным. Функциональный подход определяет семейное неблагополучие как неспособность семьи по разным причинам выполнять свои воспитательные функции в отношении детей. Однако более распространенным является структурный подход, который определяет семейное неблагополучие по признаку состава семьи. При таком подходе “неполные семьи” по умолчанию считаются несчастными и опасными для общества.

В отечественных социологических исследованиях “недостатки неполной семьи” начали анализировать в начале 1980-х годов, в период активной пропаганды стабильности брака. Ныне официальный дискурс не изменился: на неполную семью продолжают списывать все проблемы с поведением детей и подростков. Большинство исследователей — психологов и педагогов — рассматривают “неполную семью” как разновидность неблагополучной, а выходцев из таких семей — как группу риска, подчеркивая усложненность адаптационных процессов, склонность к девиации, делинквентным установкам и проявлениям асоциального поведения, а также низкий уровень социальной ответственности по сравнению с воспитанниками полных семей. Однако невозможно подсчитать, сколько детей проживают в таких семьях, а тем более сравнить частоту проблем у детей, воспитывающихся в полных и в неполных семьях [Гурко, 2003: с. 84–85]. В современных условиях “полнота” семьи не всегда служит гарантией ее благополучия, равно как “неблагополучие” не является сущностным признаком “неполных” семей.

Таким образом, *целью моей статьи является анализ дискурсивного характера социальной стигматизации мономатеринских семей*. Под мономатеринской семьей я буду понимать семью с детьми во главе с матерью безотносительно к причинам происхождения такой семьи (внебрачное рождение, развод или вдовство). В соответствии с этим термин “одинокая мать” будет употребляться шире, чем его правовое толкование. Напомню, что согласно законодательству Украины одинокой считается мать, ребенок которой родился вне зарегистрированного брака. В этой статье понятие “одинокая мать” будет употребляться в значении “мать, которая *фактически* воспитывает ребенка (детей) самостоятельно”. Отмечу, однако, относительность данного термина, поскольку группа “одиноких матерей” негетерогенна (к примеру, кто-то воспитывает ребенка без всякой поддержки, кто-то — с помощью близких родственников).

В научных исследованиях важна проработка соответствующей дестигматизационной терминологии. В европейской социологии и демографии термин “монородительская семья” стали использовать с 1980-х годов в ответ на неудовлетворенность амбивалентностью и некорректностью оценочных категорий “неполная семья”, “распавшаяся семья”, “неполноценная семья”. Так, некоторые авторы в 1960-х годах квалифицировали как “раздробленные” те семьи, где мать была авторитарным лидером, а отец выпол-

нял функции аутсайдера. Несоблюдение традиционных норм, по их мнению, ставило под угрозу процесс социализации детей из-за недостатка отцовского авторитета и материнской нежности [Ивер-Жалю, 1991].

Российский социолог А.Клецин относит мономатеринскую семью к так называемым внебрачным семьям. Опираясь на критерии истории происхождения семьи, он выделяет материнскую семью, то есть первоначально образованную вне брака и “неполную” — образованную в результате овдовения или развода. Внебрачные семьи, по мнению Клецина, считаются особо дисфункциональными [Клецин, 1994]. Подобным образом социологи С.Антонов, М.Медков, С.Голод рассматривают семью как единство брачных уз, родительства и родства и, отсюда, относят неполные семьи к обломковым образованиям (или семейным группам), то есть к структурам, возникшим вследствие распада полной семьи с детьми [Голод, 1998; Антонов, Медков, 1996: с. 65].

В зарубежной литературе наряду с терминами “одинокая мать” (*lone (single) mother*) и “семьи одиноких матерей” с уточнением их семейного статуса (*lone (unmarital, divorced or widowed) mother families*) используется также обобщенное понятие “семья во главе с женщиной” (*family headed by women; mother headed families*).

В постсоветских исследованиях понятие “монородительская (мономатеринская) семья” начали использовать довольно давно [Заякина, 2003; Цыглакова, 2005; Бугрова, 1999; Ярская-Смирнова, Романов, 2004], но оно до сих пор не является широко известным и применяемым в Украине (за исключением отдельных работ, см. напр.: [Коломієць, 2009]). Мне лично этот термин представляется более удачным и корректным, поскольку позволяет избежать стигматизирующего эффекта.

Мономатеринские семьи в социально-демографической структуре

Итак, “неполную семью” рассматривают как почти универсальную причину детских проблем практически во всех дискурсивных полях — официальном, академическом, медийном и повседневном. При этом остается незвученным то, что фактически речь идет не просто о неполной семье, а о семье мономатеринской, ведь именно такие семьи преобладают в структуре монородительских семей в Украине и во всех европейских странах.

Несмотря на общую распространенность монородительских семей в западном мире, европейские страны различаются в зависимости от места таких семей в демографической структуре. Велики доли таких семей в составе всех домохозяйств с детьми в Швеции (17,1%), Великобритании (15,3%), Норвегии (13,8%) и Германии (13,5%), а самые незначительные — в Испании (1,9%) и Италии (2,5%). Существенно разнятся и темпы увеличения количества таких семей. Например, в Великобритании их доля возросла с 4,6% в 1975 году до 15,3% в 2000-м; в Финляндии — с 3,8% в 1976-м до 10% в 2000 году [Коломієць, 2009: с. 149]. В США доля семей с детьми во главе с одинокими матерями увеличилась с 8% в 1960-м до 24% в 2002 году [Gonzalez, 2005: p. 1].

Темпы подобных изменений зависят от множества причин, одна из которых — государственная политика в плане защиты монородительских семей. Подавляющее большинство монородительских семей — материнские, однако доли отцовских семей различаются в разных странах. Например, в Австралии, Великобритании, США, Швеции эта цифра варьирует от 14% до

17% всех монородительских семей [Коломієць, 2009: с. 149]. В Украине, по данным переписи населения 2001 года, каждая четвертая семья с несовершеннолетними детьми является “неполной”, в 92,5% таких семей дети растут без отца, в 7,5% — без матери [Шлюб, 2008: с. 13].

Существенны различия и в причинах формирования монородительских семей. Внебрачные рождения — главная причина в Ирландии (63%), Великобритании (46%), США (43%); официальный развод — в Испании (57%), Нидерландах (51%), Финляндии — 48%, тогда как в Италии 63% всех монородительских семей формируются вследствие овдовения [Коломієць, 2009: с. 149].

Украинские социально-демографические обследования позволяют оценить масштабы внебрачных рождений как одного из источников формирования мономатеринских семей. В последние годы доля детей, рожденных женщинами, не состоящими в зарегистрированном браке, в Украине превысила 1/5 от всех родившихся (как в городских поселениях страны, так и в сельской местности), тогда как на рубеже 1980-х и 1990-х она едва превышала 1/10 [Шлюб, 2008: с. 35]. Демографы предполагают, что совокупность внебрачных рождений представлена не только родившимися у одиноких женщин, но и теми новорожденными, отцы которых состоят в консенсуальном браке. Следует отметить, что рождаемость вне зарегистрированного брака в Украине отличается от развитых стран Европы как меньшей распространенностью, так и тем, что внебрачная рождаемость у нас выше именно среди самых молодых возрастных групп женщин [Шлюб, 2008: с. 35].

“Одинокое материнство” как социальный конструкт: исторический аспект

Понятие “одинокое материнство” является социально сконструированной категорией. Посредством языка (слов, концепций, теорий) мы упорядочиваем, наделяем смыслом и обозначаем вещи, людей и опыты. Однако акт категоризации явления никогда не бывает нейтральным, категории создаются для того, чтобы подчеркнуть социальные отношения власти. Таким образом, категоризация служит цели социального воспроизводства социального неравенства и установлению границ между разными группами людей, между “нами” и “ими”. Категория “одинокая мать” исторически имела негативные коннотации, связанные с идеологией гендера и сексуальности. Она создавала границы между, с одной стороны, “правильными, приличными” замужними женщинами и теми, кто состоит по крайней мере в партнерстве с мужчинами, и с другой — “проблемными”, чья сексуальность находится вне мужского контроля [Мау, 2006; 2009].

В течение всей истории патриархальной расширенной семьи брачная рождаемость как социальная норма сохраняла стойкие и сильные позиции. Основное нормативное требование сводилось к зависимости и строгой последовательности брака, сексуальности и прокреации [Голод, 1998: с. 52].

В традиционном украинском обществе социально-культурный статус одинокой матери определялся контекстом строгого нравственного запрета сексуальных отношений вне брака, особенно для девушек и женщин. Однако этнографические исследования свидетельствуют о распространенности практик интимного добрачного общения украинской молодежи в доиндуст-

риальную эпоху. Одной из таких практик были так называемые вечерницы, функцией которых считалось создание благоприятных условий для знакомства и выбора брачного партнера. Известно также, что на вечерницах практиковали совместные ночевки молодежи, в частности, на Полесье, Полтавщине, Харьковщине, Черниговщине, правда, для Правобережной Украины данный обычай не зафиксирован [Игнатенко, 2010: с. 41]. Исследования свидетельствуют также, что несмотря на народную мораль, согласно которой девушка должна вступать в брак непорочной, практики добрачных сексуальных отношений тоже существовали. В случае нарушения этого запрета фактически всю ответственность возлагали на девушку, репрессивные меры в адрес парня были гораздо лояльнее. Девушка, напротив, подвергалась общественному осуждению, презрению, ее считали нечистой и опасной для окружения, ограничивали в передвижении и общении. Родившегося у нее ребенка — “незаконнорожденного” — ограничивали в правах, издевались над ним. Такая горестная судьба “покрытки” была весомым фактором сдерживания девушек от добрачных интимных отношений. А если факт потери девственности уже произошел, во избежание насмешек и унижений девушка должна была признать свой “грех” — неза мужняя девушка покрывала голову, а невеста публично каялась [Игнатенко, 2010: с. 52–53].

Существенные изменения в социальном положении одиноких матерей привнесла индустриальная эпоха, обусловившая начало трансформационных процессов в сфере брачно-семейных отношений в плане их индивидуализации и плюрализации [Гидденс, 2004]. Важнейшим следствием подобных процессов стала автономизация сексуальности от брачного и репродуктивного поведения и разделение институтов брака, семьи и родительства.

Наряду с этим отечественная специфика таких процессов была обусловлена особенностями (прежде всего идеологическими) развития советского общества.

В СССР основным агентом формирования гендерных отношений было государство, а основными механизмами — нормативное регулирование через законодательные акты и идеологический аппарат принуждения, контролировавший гендерные отношения через официальные дискурсы. Российские социологи Е.Здравомыслова и А.Темкина говорят о трех этапах формирования советского гендерного порядка. *Первый этап* “дефамелизации и политической мобилизации женщин” приходится на период становления советской власти с 1918-го по 1930-е годы. *Второй этап* — стабилизация контракта “работающая мать” продолжается с 1930-х до середины 1950-х годов. *Третий этап* “политической либерализации и кризиса этакратического порядка” длится с середины 1950-х до конца 1980-х годов [Здравомыслова, Темкина, 2004].

Первый этап характеризуется разрушением ценностей традиционной патриархальной семьи. Идеология пролетарской революции была связана с допущением об отмирании буржуазной семьи, основанной на частной собственности и доминировании мужа над женой. Легализацию абортов на этом этапе часто рассматривают как символ признания советским государством женских репродуктивных прав и в целом женской эмансипации. Однако за этим шагом стояли весьма прагматические соображения: государство относилось к этому как временной и вынужденной мере, призванной решить ряд проблем: мобилизации женщин для строительства нового

государства и предотвращения детской безпризорности [Лыткина, 2004: с. 83; Чернова, 2008: с. 156].

В 1920-х годах на смену церковному браку приходит брак, зарегистрированный в органах ЗАГС, но были распространены также фактические незарегистрированные союзы. Такие союзы были легитимными как на правовом уровне, так и на уровне общественного мнения. Одним из первых декретов советской власти в правах уравнивались дети, родившиеся в браке и вне брака. В итоге меняется и отношение к “внебрачной матери”: “Женщина является трудовой единицей, брак становится личным делом, но материнство конституируется как самостоятельный социальный долг” [Здравомыслова, Темкина, 2004: с. 306].

Второй этап был направлен на формирование советского типа семьи, спецификой которой является обязательная занятость обоих супругов. Это этап формирования так называемого гендерного контракта двойной занятости: на идеологическом уровне обязанностью женщины наряду с выполнением материнских ролей провозглашалась также занятость в общественном производстве. Чрезмерная трудовая нагрузка “компенсировалась” государственной защитой материнства и детства.

Уже со второй половины 1930-х годов вопросы брачно-семейных отношений приобретают принципиально иное значение — на смену идее свободного выбора формы брачных отношений приходит идея семейного долга. Процедура развода значительно усложнилась и начала подвергаться общественной огласке; показательны запрет аборт и введение налога на бездетность. Итак, семья утрачивает свою автономность и мобилизуется государством на функцию воспроизводства населения. Одновременно изменяется и социальный статус одиноких матерей. Согласно приказу Президиума Верховного Совета СССР от 8 июля 1944 года только дети, родившиеся от родителей, состоящих в зарегистрированном браке, признавались законнорожденными. Если родители не зарегистрировали свои отношения, ребенку давали фамилию матери, а в графе отец ставился прочерк. Было запрещено определение отцовства как в добровольном, так и в судебном порядке; мать не могла обратиться в суд о взыскании алиментов на содержание ребенка. При этом и отец лишался права на признание своих родительских прав. Таким образом, государственная политика, направленная на укрепление института брака, становится основным субъектом дискриминации одинокой матери: государство возлагает всю ответственность за рождение ребенка на женщину, тогда как с отца снимается всякая ответственность как за воспитание, так и за содержание ребенка, родившегося вне брака. Впрочем, с середины 1950-х годов общественность начала активно протестовать против такого рода юридических норм, которые дискриминировали как одинокую мать, так и ее ребенка. Исследования фиксируют, в частности, всплеск обращений граждан по вопросам брака и семьи в различные комитеты Верховного Совета СССР и к отдельным государственным чиновникам. Анализ содержания подобных обращений дает основания говорить о трех типах дискурсов одинокого материнства в этот период. Первый — это дискурс прав ребенка с апелляцией к тому, что СССР — демократическое государство, которое должно гарантировать равные конституционные права всем детям независимо от обстоятельств их рождения. Второй — это морализаторский дискурс, в соответствии с которым женщина несет всю ответственность за

нарушение норм сексуального поведения и должна избегать ситуаций, которые могут повлечь нежелательную беременность. Этот тип дискурса был общим и для других европейских стран того времени. Третий тип дискурса — это дискурс ответственности отца, который представлен как позицией (преимущественно женщин), согласно которой отец должен поддерживать ребенка, так и позицией мужчин, согласно которой они не должны нести ответственности за последствия случайных половых связей [Carlback, 2012].

На третьем этапе формирования советского гендерного порядка государство по-прежнему проявляет заинтересованность в совмещении материнства и занятости, но в то же время не готово противостоять либерализации брачно-семейных отношений. Одной из сущностных черт этого этапа становится кризис и дискредитация гегемонной маскулинности. Доминирование гендерного контракта двойной занятости для женщин на практике привело к практическому устранению мужчин от семейных обязанностей, отчуждению их от воспитания детей, подрыву супружеских отношений. Женская повседневность, наоборот, продолжала оставаться чрезвычайно напряженной: удовлетворение потребностей семьи становилось все более сложным из-за дефицита товаров и услуг. Женщины начинают осознавать несправедливость своего положения, инициируют борьбу с “ненужным” мужем и призывают к созданию материнских семей. В 1979 году в одном из научно-популярных изданий Ленинграда выходит статья Н. Малаховской “Материнская семья”. Мужчина, отмечает автор, перестал справляться со своими обязанностями: он не только не способен обеспечивать семью, но и часть своих заработков пропивает; к тому же в домашнем хозяйстве исчез мужской труд. В то же время женщина должна рожать детей, воспитывать их, простаивать в огромных очередях в магазинах, готовить еду и ходить на работу. В итоге автор призывает женщин отказаться от мужчин в пользу материнской семьи [Лыткина, 2004: с. 90–91].

В результате нереализованных ожиданий в отношении мужчин женщины все чаще начинают “наказывать” государство количеством детей, родившихся вне брака. Меняется и позиция государства в отношении одиноких и разведенных матерей. В 1968 году упрощается процедура развода и вводится норма, согласно которой в свидетельстве ребенка, родившегося вне брака, записывается фамилия отца. В 1970–1980-е годы одинокие матери имели множество льгот (льготные путевки, льготы на получение жилья, бесплатное содержание детей в детсадах и т.п.). Система помощи и льгот гражданам, имевшим детей, в совокупности с разветвленной социальной инфраструктурой (детских учреждений, бытовых услуг, досуга и т.п.) представляла женщине возможность самостоятельно справиться с материнскими, семейными и профессиональными нагрузками [Луныкова, 2004: с. 63; Лыткина, 2004: с. 92].

В современном обществе социальное восприятие явления одинокого материнства изменилось в сторону большей терпимости, но в целом строгое размежевание “нормальных” нуклеарных семей и “неполноценных” семей сохранилось. Таким образом, семьи одиноких матерей порой рассматриваются как угроза общественной стабильности, ведь они воспитывают детей в “неполноценной” семейной среде.

Еще одна составляющая стигматизирующих дискурсов — это описание одиноких матерей в категориях зависимости от государственной и социаль-

ной поддержки, особенно в тех странах, где государство поддерживает одиноких родителей. Дискурс социальной угрозы и зависимости активно воспроизводится социальной политикой. Риторика зависимости опирается на *тотальную* категоризацию “одиноких матерей”, исключая разнообразие их реальных жизненных позиций. “Одинокие матери” различаются по своему социальному положению, по позиции на рынке труда. Одни воспитывают детей самостоятельно, другие — в кооперации с другими членами семей; у кого-то есть социальная поддержка, кто-то — изолирован. Социальная политика, не учитывающая такого рода различий, становится неэффективной [May, 2006; 2009].

Дискурсы неполноценности и зависимости как тотального гомогенизирующего признака одиноких матерей активно воспроизводятся в академических исследованиях. Большинство исследователей единодушны в оценке семейных изменений как кризисных, связанных с увеличением количества внебрачных рождений и распространением неполных семей в обществе. Так, российский социолог З.Каримова в своем исследовании опирается на представление о семейном поведении как последовательной цепи: брачное поведение — сексуальное поведение — репродуктивное поведение — социализационное поведение. Автор подразумевает, что выпадение любого звена из этой последовательности трансформирует работу остальных составляющих семейной системы. То есть отсутствие брачного поведения неизбежно повлияет на репродуктивное и социализационное поведение. На основании данных ряда исследований Каримова отмечает, что социальные последствия внебрачных рождений имеют преимущественно негативный характер: у внебрачных детей чаще наблюдаются проблемы в интеллектуальном развитии, психические отклонения, девиантные формы поведения, снижен потенциал физического и психического здоровья [Каримова, 2007]. При этом автор опирается на традиционное определение брачного статуса, определяя внебрачный статус как непробывание в зарегистрированном браке. В итоге вне поля анализа остается факт пребывания или не пребывания женщины в фактическом партнерстве, что существенно сужает потенциал исследования.

Выводы

Категория “одинокая мать” исторически имела негативные коннотации, связанные с идеологией гендера, женской сексуальности и нормативного требования относительно зависимости и четкой последовательности брака, сексуальности и прокреации.

В контексте современных процессов плюрализации моделей брака, семьи и отцовства социальное восприятие явления одинокого материнства изменяется. Однако даже терпимость к нему не вытеснила размежевания “нормальных” нуклеарных семей и “неполноценных” семей как не обеспечивающих должной семейной среды для воспитания детей, а значит, не отвечающих требованиям поддержания общественной стабильности.

Матери, самостоятельно воспитывающие детей, становятся объектом стигматизации и субъектом индивидуальной ответственности за последствия социально обусловленных проблем жизнедеятельности семьи: в частности, гендерного неравенства в оплате труда, дискриминации одиноких матерей на рынке труда, отсутствия действенных юридических механизмов

реализации алиментных обязательств, если причиной формирования подобных семей становится развод, и т.п. В силу социально-экономического положения мономатеринских семей все еще распространенным остается обобщение феномена одиноких матерей в категориях зависимости от государственной и социальной поддержки.

Однако ключевым моментом социологического анализа должна быть контекстуальность, предполагающая учет как можно более широкого спектра структурных, социокультурных, экономических, локальных факторов, влияющих как на социальное восприятие одинокого материнства, так и на жизненные опыты “одиноких матерей”. Например, одинокие матери из рабочего класса и одинокие матери, принадлежащие к среднему классу, преимущественно воспринимаются как одна и та же категория “одиноких матерей”, хотя первый контекст тесно связан с дискриминацией, тогда как второй определяется скорее социальными привилегиями.

Источники

Антонов А.И. Социология семьи / А.И. Антонов, В.М. Медков. — М.: Изд-во МГУ; Изд-во Междунар. ун-та бизнеса и управления (“Братя Карич”), 1996. — 304 с.

Беседін А.А. Дисфункціональна сім'я як чинник девіантної поведінки неповнолітніх: автореф. дис. на здобуття наук. ступеня канд. соціол. наук: спец. 22.00.03 “Соціальні структури та соціальні відносини” / А.А. Беседін. — Х., 2002. — 19 с.

Бугрова Е.И. Монородительские семьи: плюрализм жизненных стратегий: автореф. дисс. на соискание науч. степени магистра / Е.И. Бугрова. — Саратов, 1999. — 17 с.

Гидденс Э. Трансформация интимности. Сексуальность, любовь и эротизм в современных обществах / Э. Гидденс. — СПб.: Питер, 2004. — 208 с.

Голод С.И. Семья и брак: историко-социологический анализ / Голод С.И. — СПб.: Петрополис, 1998. — 272 с.

Гурко Т.А. Родительство: социологические аспекты / Гурко Т.А. — М.: Центр общечеловеческих ценностей, 2003. — 164 с.

Заякина О.А. Жизнедеятельность монородительской семьи как социологическая проблема: автореф. дисс. ... канд. социол. наук: 22.00.04 “Социальная структура, социальные институты и процессы” / О.А. Заякина. — Екатеринбург, 2003. — 21 с.

Здравомыслова Е. Государственное конструирование гендера в советском государстве / Е.А. Здравомыслова, А.А. Темкина // Журнал исследований социальной политики. — 2004. — Т. 1 (3/4). — С. 299–321.

Ивер-Жалю Э. Монородительские семьи во Франции / Э. Ивер-Жалю // Социологические исследования. — 1991. — № 5. — С. 117–122.

Ігнатенко І. Дошлюбне спілкування української молоді / М. Ігнатенко // Народна культура українців: життєвий цикл людини: історико-етнологічне дослідження: у 5 т. Т. 2: Молодь. Молодість. Молодіжна субкультура / [наук. ред. М. Гримич]. — К.: Дуліби, 2010. — С. 40–55.

Каримова З.Х. Внебрачное репродуктивное поведение как объект социолого-демографического исследования: автореф. дисс. ... канд. социол. наук: 22.00.03 “Экономическая социология и демография” / З.Х. Каримова. — Уфа, 2007. — 26 с.

Кісь О. Покритка: доля самотньої матері / О. Кісь // Жінка в традиційній українській культурі (друга половина XIX — початок XX століть). — Львів: Ін-т народознавства НАН України, 2008. — С. 194–209.

Клецин А.А. Внебрачные и альтернативные (немодальные) семьи: формы и содержание / А.А. Клецин // Рубеж (альманах социальных исследований). — 1994. — № 5. — С. 166–179.

- Коломієць О.О.* Монобатьківські сім'ї: соціальний захист і самозабезпечення / О.О. Коломієць // Стратегічні пріоритети. — 2009. — № 4 (13). — С. 148–156.
- Лунякова Л.* “Чем мужика кормить, лучше ребенка воспитывать одной”: социальный портрет материнских семей / Л. Лунякова // Семейные узы: Модели для сборки / ред. С. Ушакин. — М.: Новое литературное обозрение, 2004. — С. 60–82.
- Лыткина Т.* “Материнская мечта”. Советская мечта и постсоветская реальность / Т. Лыткина // Метаморфозы диссидентского феминизма во взглядах молодого поколения России и Австрии / под ред. С. Ярошенко. — СПб., 2010. — С. 75–95.
- Михель Д.В.* Общество перед проблемой инфантицида. История, теория, политика / Д.В. Михель // Журнал исследований социальной политики. — 2007. — Т. 5, № 4. — С. 439–458.
- Цыглакова Е.А.* Социальный статус монородительской семьи : автореф. дисс. ... канд. социол. наук : 22.00.04 “Социальная структура, социальные институты и процессы” / Е.А. Цыглакова. — Саратов, 2005. — 21 с.
- Чернова Ж.* Семейная политика в Европе и России: гендерный анализ / Чернова Ж. — СПб.: Норма, 2008. — 328 с.
- Шлюб, сім'я та дітородні орієнтації в Україні / Ін-т демографії та соціальних досліджень НАН України; Укр. центр соціальних реформ. — К.: АДЕФ-Україна, 2008. — 256 с.
- Ярская-Смирнова Е.Р.* Социальная защищенность городской монородительской семьи / Е.Р. Ярская-Смирнова, П.В. Романов // Мир России. — 2004. — № 2. — С. 66–95.
- Carlback H.* Lone Motherhood in Soviet Russia in the Mid-20th Century in a European Context / Helene Carlback // And they lived happily ever after : norms and everyday practices of family and parenthood in Russia and Central Europe / [ed. by] Helene Carlback, Yulia Gradszkova, Zhanna Kravchenko. — Central European University Press, 2012. — P. 25–46.
- Gonzalez L.* The determinants of the prevalence of single mothers: a cross-country analysis [Electronic resource] / L. Gonzalez. — 2005. — Access mode : http://www.econ.upf.edu/~gonzalez/Research_archivos/IZAw.pdf.
- May V.* Lone motherhood as a category of practice / V. May // Sociological Review. — 2009. — № 58 (3). — P. 429–443.
- May V.* Lone motherhoods in a context [Electronic resource] / Real Life Methods: A node of the National Centre for Research Methods at the Universities of Manchester and Leeds, 2006 / Vanessa May. — Access mode : <http://www.reallifemethods.ac.uk/research/wps/2006-07-rlm-may.pdf>.